

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ. БИОГРАФИЯ

«Я поэт, этим и интересен», — когда-то написал Маяковский в автобиографии. Эта формула как нельзя лучше подходит и для Башлачева, жизнь которого была бедна на события «анкетные»: родился в 1960 г., учился в университете, работал журналистом, писал песни... Сам поэт шутил по этому поводу в одном из интервью: «Только давай попробуем обойтись без протокольной анкеты: когда родились, когда намерены скончаться...» Действительно, интереснее другое: диалектика души поэта, те незначительные, на первый взгляд, детали, которые сыграли важную роль в его творческом мировоззрении. В этой связи, пожалуй, начать нужно с первого (или одного из первых) стихотворного опыта Башлачева, датировать который можно 1963 г. (Александру было три года). Тогда были написаны следующие строки (отрывок из несохранившегося стихотворения):

Налетчик был бывалый ас:
Он вывел самолет из пике,
И самолет пришел домой,
Как будто ехал коммюнике.

(юный поэт не знал, кто такой «коммюнике» и поставил это слово для рифмы).

Нужно отметить, что ударение в рифмовке «пике — коммюнике» находится на предпоследнем слоге, так что в поэтической чуткости (имеется в виду ритм) уже трехлетнему Башлачеву трудно было отказать.

Детство Александра прошло в городе Череповце Вологодской области. Отец поэта (Николай Алексеевич Башлачев) был начальником одного из цехов Череповецкого металлургического завода, мать (Нелли Николаевна Башлачева) — учительницей. Закончив десятилетку, Александр устраивается на Череповецкий металлургический комбинат, где год работает художником.

В 1978 г. Башлачев поступает в Уральский государственный университет на факультет журналистики, пять лет живет в Свердловске. В это же время происходит и первое знакомство с русским и зарубежным роком, вот как об этом впоследствии вспоминал сам поэт: «Когда-то, году в 1981, случилось так (волею судеб, как говорится), что я услышал две песни — “Ты дрянь” и “Железнодорожную воду”. И мне сказали, что это всё “Аквариум”». Примерно в это же время Башлачев знакомится с тогда еще никому не известным Юрием Шевчуком, попадает в местную «рок-тусовку», пишет тексты для череповецкой рок-группы «Рок-сентябрь». Таким образом, в начале 80-х гг. появляются первые (пока еще непримечательные) стихи Башлачева, он учится играть на гитаре, сочиняет первые песни. Впоследствии поэт будет называть себя «человек поющий», и на вопрос «Вы могли

бы согласиться, если бы вас назвали представителем русского народного рока?» — ответит однозначно: «Конечно, ради Бога, ради Бога».

Со временем учебы Башлачева в УрГУ связано очень много забавных историй, которые в общем-то не несут на себе особой «биографической нагрузки», однако именно они позволяют приблизиться к пониманию того, каким был Башлачев, чем он жил, с кем общался в студенческие годы. Например, вот что вспоминает Сергей Соловьев, университетский

друг поэта: «Эти двое (Измайлов, друг поэта, и Башлачев. — *Ред.*) тогда породили движение, связанное с вымышленным персонажем — художником-параллелепипедистом Львом Давидовичем Перловичем. Он — ровесник Пушкина и так далее. Каждый день они рисовали параллелепипедные картины, там всё было из параллелепипедов. Два кирпича друг на друге — картина называется “Любовь”. Два кирпича вертикально — “Дружба”. Висят шесть кирпичиков на крючочках — картина “И я бы мог”. Помните, такую фразу сказал Пушкин, когда повесили декабристов. Много этих картинок было, сотни».

Дополняет воспоминания о «проделках» Башлачева со товарищи Андрей Козлов: «По небу летят несколько кирпичиков клином — “Летят перелетные птицы”. Нестройная линейка параллелепипедов-кирпичиков на земле — “Идут переходные звери”. Пять кирпичиков висят на ниточках — “Декабристы”. Лишь на одном ватмане шар, подпись: “Падла!”. Вернисаж открыт, гидом кудрявый высокий красавчик Саша Измайлов, он томно рассказывает про тонкость и уравновешенность композиции, цветовые гаммы, если параллелепипеды синие, он говорит о голубом периоде, если цветов много, он говорит о синтезе. Нохрин (университетский друг Башлачева. — *Ред.*) его поправляет бодренько, по-менторски: “Скорее эклектика, чем синтез»».

Интересная история связана и с мифическим «козьим буго», которое часто фигурирует в воспоминаниях башлачевских однокурсников: «Башлачев с Серегой (Сергей Нохрин. — *Ред.*) придумали такое понятие: “козье буго”. Не знаю, что это, говорят, растение такое есть. Тогда же стенгазеты всё время выпускали, и вот в одной газете они везде упоминали это понятие. Бралась любая песня: “Обнимая буго крепкими руками, летчик наби-

рает высоту”, например. И так далее. Мы им тогда тоже серию песен про “бугу” написали. Всё происходило под лозунгом: “Наступил решительный момент: бугу должно стать козым”. Никто не знал, что это такое, но все смеялись» (Сергей Соловьев).

Интересным кажется и воспоминание нынешнего декана факультета журналистики УрГУ Бориса Николаевича Лозовского о пьесе, разыгранной поэтом и его друзьями во время студенческой поездки «на картошку»: «В столовую набилось огромное количество людей. В центре — некое подобие арены или сцены. Выходит Башлачев, он играет Пушкина Александра Сергеевича. Сидит, говорит какие-то стихи. Заходит еще один. “О, Глинка, привет! Ты когда, в конце концов, напишешь музыку на мои стихи?!”. Достают бутылку. Открывают, выпивают. Заходит следующий литературно-исторический персонаж, типа Льва Толстого. “О, Лева, здорово, здорово. Садись с нами”. И так все классики выходят, выпивают одну, вторую, третью. Потом, по-моему, Глинка падает под невообразимый гогот и хохот».

А вот какую историю когда-то рассказал Башлачев Марине Тимашевой, дружившей с ним уже в «постчереповецкий» период (описанные события происходили в Свердловске в студенческие годы поэта): «...Были черные или синие сатиновые трусы до колена, “трусы семейные”. Ничего другого купить было невозможно... Так вот, эти черные сатиновые трусы всех доводили до состояния белого каления. Женщины делали всё возможное, чтобы этого “эротического” зрелища не видеть. Когда появились маленькие бельенки, эти мерзкие сатиновые уже были как насмешка. И тут приходит молодой мальчишка (имеется в виду Башлачев. — *Ред.*) на день рождения в светское общество именно в этих семейных трусах до колена, тулупе и валенках».

Несмотря на множество подобных воспоминаний, разобраться с тем, каким человеком был Башлачев, достаточно непросто. Некоторые люди называли его «человеком-праздником» (и таких свидетельств большинство), например, известный рок-музыкант Святослав Задерий замечает: «При появлении в любой компании он сразу становился ее эпицентром... Я ни разу не видел, чтобы у него было плохое настроение, чтобы он нес негатив». Однако есть

и такие люди, которые говорят о Башлачеве, как о человеке замкнутом: «Вообще нельзя сказать, что Саша был очень уравновешенным и оптимистичным человеком. Он был подвержен разнообразным депрессиям. Нельзя сказать, что он всегда был такой весельчак, “хи-хи-хи”, “ха-ха-ха”. Я с ним достаточно много общалась, и прекрасно знаю Сашу» (подруга студенческих лет Ирина Горбачева).

В 1983 г. поэт заканчивает Уральский университет и по распределению попадает в, по его собственным словам, «газету с поэтическим названием “Коммунист”». Здесь он работает в партийном отделе с его каждодневным «козьим буго». «Мучился ужасно. Не лежала у него душа к этим комсомольским ударным стройкам и молодежным бригадам», — вспоминает мама поэта Нелли Николаевна. Впоследствии Башлачев высмеет все эти «культивации, мелиорации и демонстрации» в песне «Слет-симпозиум».

Через год у поэта появляется возможность вырваться из провинциального Череповца. Об этой жизненной метаморфозе лучше всего сказал сам Башлачев в одном из интервью: «До питерской раскладушки был владельцем более солидной мебели, письменный стол до сих пор с угрюмой и безответной любовью вспоминает о несостоявшемся корреспонденте уездного города Череповца. Меньше года назад почти случайно встретился с ближайшим родственником советского рока, с известным Дядюшкой Ко (Артем Троицкий. — *Ред.*) по линии мачехи — уважаемой прессы, которая охотно освещает проблемы “молодежной эстрады”, слепя ей, любимой, прямо в рыло (что касается отчима — казенной прессы, тот привык давить в потемках). Дядя Ко намекнул, что паренек на шее своей редакции не медаль, и не пора ли ему в люди. Так парнишка за рыбным обозом и пришел записываться добровольцем в легион маршала Прimitивных аккордов».

Если перевести это высказывание с языка образного, то получится следующее: знаменитый ныне журналист Леонид Парфенов в сентябре 1984 г. познакомил Башлачева с уже тогда известным музыкальным критиком Артемом Троицким, который, оценив талант молодого поэта, почти сразу же устроил ему ряд квартирных концертов в Ленинграде и Москве. Так Башлачев попадает в «высшее рок-общество», познакомившись с легендарными ныне Борисом Гребенщиковым, Майком Науменко, Виктором Цоем, Константином Кинчевым, Святославом Задерием... Столичная публика с восторгом приняла поэта, с этого времени начинается «квартирное турне» Башлачева по городам России. Если мы посмотрим на географию его выступлений, то увидим, что поэт давал «квартирники» в Москве, Владимире, Новосибирске, Свердловске... ну и, конечно, в Ленинграде, колыбели русского рока (пользуясь уже привитым клише). По собственному признанию, путешествовал Башлачев в основном автостопом, денег на самолеты и поезда не было почти никогда, разве что на очередном квартирном концерте организаторы «пустят шапку по кругу».

При жизни поэт не опубликовал ни одной строчки, да и не стремился он в высшие литературные круги. Лишь однажды его пригласили на телевидение, хотели сделать сюжет для передачи «Веселые ребята», но отснятый материал так и не попал в эфир... Очень хорошо об этом сказал Артем Троицкий: «В отличие от всех своих друзей — собратьев по музыкальному подполью, от Агузаровой до Цоя, СашБаш никак не продвигал себя в профессионально-карьерном плане. Хотя возможности для этого были: ему рукоплескали Театр на Таганке и актовый зал “Литгазеты”, его принимали в своих домах Андрей Вознесенский и Алла Пугачева. При этом он вовсе не был (как некоторые, возможно, полагают) ни юродивым провинциалом, ни сумрачным мизантропом, ни упертым нонконформистом... Просто он жил по своим законам, бесконечно далеким от глупостей и условностей материального мира».

Единственное, чего хотел Башлачев, — это быть понятым, «мне очень стыдно, когда не видно, / Что услышал ты, всё, что слушал», — спел поэт в композиции «В чистом поле — дожди». Понимали — не всегда: «Сегодня, удивляясь количеству превосходных степеней и величального пафоса в оценках башлачевского творчества, я вспоминаю белое от гнева и душевной боли лицо Саши... наивно округленные глаза с немим вопросом, на который я давал ответ банальный и бесполезный: “Саша, они тебя просто боятся, ведь если они позволят джинну Башлачева вырваться из бутылки, им самим придется собирать на пропитание бутылки по подъездам, поскольку ты тогда подымешь планку художественного качества на такую высоту, какую ни им самим, ни им подобным из ихней банды не взять!”» (Алексей Дидуров, поэт).

В марте 1985 г. состоялось одно из первых выступлений Башлачева «на большой сцене», было это в Ленинграде, когда он вместе с Юрием Шевчуком спел несколько песен на неофициальном концерте в зале медицинского училища. На следующий год певец окончательно выбрал местом жительства Ленинград, где вступил в фиктивный брак со своей подругой Евгенией Каменецкой (поэту нужна была прописка). «В Москве, может быть, и можно жить, а в Ленинграде стоит жить», — говорил Башлачев.

Сильное потрясение пережил поэт осенью 1985-го. «В Свердловске у Башлачева родился сын Иван, — вспоминает Артем Троицкий, — он тяжело болел с самого рождения и спустя несколько месяцев умер. Трагическая аура начала сгущаться. В этот период Саша создал свои самые лучшие песни, которые, при всем смущении перед экстремальными эпитетами, я не могу назвать иначе, как гениальными: “Ванюша”, “Имя имен”, “Вечный пост”».

В 1985–1987 гг. Башлачев проводит много времени в Ленинграде, где он успел даже поработать в знаменитой котельной «Камчатка», которую воспел Виктор Цой в одноименной песне. В Ленинграде же поэт вступает в местный Рок-клуб, участвует в устном выпуске журнала «Рокси». В июне

1987 г. Башлачев выступил на Пятом Ленинградском фестивале, где получил приз «Надежда».

В сохранившихся интервью уже ленинградского периода певца часто спрашивают о том, почему он взялся за перо и гитару. На этот вопрос Башлачев отвечает на первый взгляд уклончиво: «Я вообще не думаю, что существуют какие-то разумные объяснения того, как это происходит», или другое интервью: «Тут поиск-то нерациональный, рациональный обязательно приведет в тупик». На самом деле в этих высказываниях — то магическое «зерно», из которого выросла поэзия Башлачева, та отправная точка, с которой начал свое движение в русскую литературу рок-поэт.

Второй «краеугольный камень» его творчества — ориентация на равенство пропетого и прожитого: «Каждую песню надо оправдать жизнью. Каждую песню надо обязательно прожить», — говорит певец в интервью, подтверждая этот тезис и строками песни «В чистом поле — дожди»: «Можно песенку прожить иначе».

И, наконец, третье — Башлачев всегда старался создавать именно стихи, литературно значимый текст: «И нельзя оправдываться... нельзя оправдать слабость текстов, слабость идеи, ее отсутствие полнейшее, нельзя оправдывать тем, что это якобы рок-поэзия, рок-творчество, рок-культура, и вы в этом ничего не понимаете».

Итак, из всего сказанного выше явствует, что поэзия, магия и жизнь у Башлачева переплелись в единый клубок, возможно, именно поэтому с творчеством певца связано очень много фактов, которые можно назвать необъяснимыми. Как правило, в официальных биографиях о подобных вещах говорить не принято. Однако, принимая во внимание крайнюю мифологизированность наследия Башлачева, мы вряд ли должны игнорировать некоторые мистические моменты биографии поэта. Сделать это необходимо для того, чтобы лучше приблизиться к пониманию функции творчества певца, которая, в свою очередь, определила и мировоззрение Башлачева (но не наоборот). Нужно понимать, что поэт в конечном итоге пытался создавать не профанный неомиф, а миф сакральный, магический, обращенный к древним ритуальным формам. Таким образом, функция, о которой мы говорим, — сакральная. Отсюда уже вытекают и отношения Башлачева-человека с окружающим его миром. Говоря проще, Башлачев перестроил свое сознание (через творчество) на древнемифический лад. В итоге человек максимально приблизился к тому, что в науке принято называть лирическим субъектом поэзии, последний же оказался медиумом-шаманом, проводником высших Истин. Отсюда — такая «странность» Башлачева, о которой говорят практически все люди, знавшие поэта; в этой же сфере лежит и конфликт между бытом и бытием, который, возможно, стал одной из главных причин духовного кризиса певца в конце жизни.

Однако вернемся к башлачевской мистике. Вот что вспоминает Святослав Задерий: «Башлачев сочинил вещь, которая совершенно классически является... колдовской... (речь идет о «Егоркиной былине». — *Ред.*). Он говорил, что в Сибири (не знаю, какой это был город) актеры местного театра решили устроить ему концерт ночью. Там стояло чучело козла, и когда он играл “Егора Ермолаича”, оно неожиданно у всех на глазах поскакало. Я, говорит, сам бы никогда не поверил, если бы не увидел это собственными глазами — козел поскакал! Надо песню эту слышать — для того, чтобы это понять». Вообще почти все люди, вспоминающие Башлачева-певца, упоминают о его колоссальной энергии, которую он «генерировал» во время концерта: «Я говорю совершенно честно... притом, что я профессиональный искусствовед и театровед... я видела великие театры... но никогда больше ничто не производило на меня такого впечатления» (Марина Тимашева); «Словами этого действительно не выразишь... впечатление было абсолютно ошеломляющим, сродни прикосновению к чему-то магическому, запредельному» (Артем Троицкий). В этом околдовывающем очаровании творчества с его апелляциями к магии слова — одна из главных загадок песенной поэзии Башлачева.

Летом 1987 г. поэт выступил на фестивале в подмосковной Черноголовке, принял участие в работе над фильмом Петра Солдатенкова «Барды проходных дворов» (в прокате — «Игра с неизвестным»), однако по неясным причинам в последний момент отказался сниматься. «Башлачев, как предательство какой-то устной клятвы, осуждал Константина Кинчева за участие в художественном фильме, недавно вышедшем на экран», — вспоминает А. Брагин, участник съемок «Игры с неизвестным». Возможно, именно здесь кроется ответ на вопрос: почему Александр постоянно отказывался от участия в документальных фильмах? Так или иначе, и в картине «Игра с неизвестным», и в фильме «Рок» (режиссер Алексей Учитель) кадров с участием Башлачева нет (как говорил сам поэт: «Зачем вам моя рожа на экране? Я — не актер. Мое дело — песня. Песню я отдаю»). Кстати, немногим ранее Башлачев уничтожает оригинал своей последней студийной записи, сделанной на домашней студии Александра Липницкого (альбом «Вечный пост»). В октябре 1987 г. певец выступил на семинаре рок-клубов в Свердловске. В начале 1988 г. Башлачев дал несколько концертов в Москве, последний из которых состоялся 29 января на квартире Марины Тимашевой. Не стало поэта 17 февраля 1988 г., погиб он в Ленинграде, где и похоронен... Позднее в том же году родился его сын Егор.

Среди разных версий смерти поэта, к сожалению, часто фигурирует версия «наркотическая». И это при том, что люди, действительно близко знавшие Башлачева, в один голос утверждают: поэт не был ни алкоголиком, ни наркоманом (каким хотят его сделать некоторые «знатоки»). Вот несколько высказываний на этот счет: «Башлачев как раз был совершенно не склонен напиваться» (Илья Смирнов); «Сколько я видела Сашу, а я много его виде-

ла, он даже почти не пил при мне... Никогда в жизни он при мне не употреблял никакие наркотики, и никогда в жизни я не видела признаков того, что он зависит от каких-то веществ. Всё это абсолютная ерунда» (Марина Тимашева); «Последние полтора года жизни СашБаша были очень грустными: он постепенно угасал, он был потерян. Выступал с трудом и в малую долю былой силы. Алкоголь, наркотики и тому подобные бытовые передраги тут совершенно ни при чем» (Артем Троицкий).

К сожалению, некая «печать обреченности» стала общим местом в воспоминаниях о Башлачеве. «Одной пятерни хватает для перечисления статей, в которых

речь идет о реальном, непридуманном поэте. Во всех же остальных случаях авторы создают миф», — сказал еще в 1994 г. Георгий Рамазашвили в статье «Шпионы в доме любви». В этой же статье он приводит ряд высказываний башлачевских «биографов», касающихся «неминуемого трагического удела» Башлачева, вот, например, одно из характерных «воспоминаний»: «Я — поэт», — сказал он и улыбнулся: мол, понимай это скорее. И я понял, что это значило: «Я знаю, что погибну»».

Очень часто пишущие о поэте говорят о том, что он спел свою судьбу раньше, чем прожил ее. В стихах Башлачева действительно присутствует с десяток прямых и косвенных указаний на подробности его будущей смерти. Но программирование или предвидение стоит за этими строками? Да и так ли важно — как, когда и почему ушел от нас один самых заметных русских поэтов последнего полувека? Башлачев очень лаконично сказал о данном вопросе в песне «Как ветра осенние»: «Ведь совсем неважно, отчего померешь, / ведь куда важнее, для чего родился».

Р. С. За 20 лет, прошедших с момента ухода Башлачева, вышло уже несколько его поэтических сборников, появляются документальные фильмы о певце («Смертельный полет», «Вечный пост»), в Череповце открыт музей поэта, в Интернете создано несколько сайтов, посвященных творчеству и жизни певца, исчисляются десятками публикации, рассматривающие как поэтику Башлачева, так и его биографию, творчество поэта входит в школьные учебники, появляются первые монографии и диссертационные исследования его наследия.

По материалам печати и интернет-сайтов:
<http://bashlachev.spb.ru>; <http://bashlachev.nm.ru>; <http://bashlachev.net>